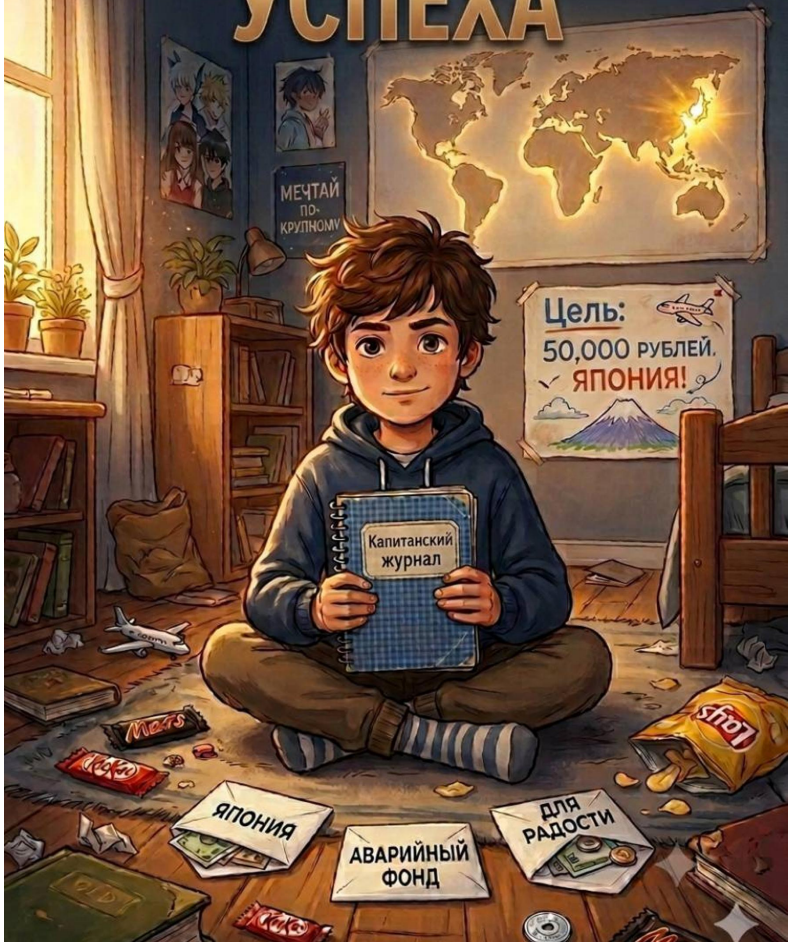

КИРИЛЛ И ФОРМУЛА УСПЕХА

Артем Павленко

Кирилл и формула успеха

<https://litres.ru/74121769>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл — самый обычный одиннадцатилетний мальчишка. Он живёт сегодняшним днём, легко тратит карманные деньги на любимые мелочи и уверен, что до мечты всегда ещё далеко.

Но однажды всё меняется.

Шаг за шагом Кирилл учится копить, принимать непростые решения, справляться с соблазнами и понимать, что большие мечты рождаются из маленьких ежедневных выборов. Он открывает для себя, что иногда самое трудное — не заработать деньги, а не потратить их сразу.

Эта добрая и увлекательная история не только познакомит ребёнка с основами финансовой грамотности, но и покажет, как терпение, ответственность и вера в свою цель способны изменить человека. Ведь настоящая ценность — не в деньгах, а в том, кем ты становишься на пути к своей мечте.

Артем Павленко

Кирилл и формула успеха

Кирилл и формула успеха

Глава 1. Гора по имени Фудзи, или как я съел свой билет в Японию

Март, за окном сыро и серо. Кирилл уже неделю сидел дома с температурой и насморком, но завтра надо было идти в школу — каникулы закончились. Настроение было под стать погоде.

Месяц назад, пятого февраля, ему исполнилось одиннадцать. На день рождения мама подарила две тысячи рублей, бабушка с дедушкой передали пять тысяч, а дядя Миша — ещё две. Кирилл тогда почувствовал себя юным миллионером и за неделю спустил почти всё: дорогие наушники, несколько пачек чипсов, три новые манги и кучу бустеров. Сейчас от тех богатств остались только пустые упаковки от коллекционных аниме-карточек.

Кирилл лежал на кровати и смотрел в потолок. Если долго смотреть на потолок с облупившейся побелкой, можно увидеть всё, что угодно. Хоть карту звёздного неба, хоть схему эвакуации при нашествии зомби. Кирилл видел карту мира. И на этой карте была Япония — маленький изогнутый архипелаг, похожий на дракона, который прилёт отдохнуть в Тихом океане после сытного обеда.

В реальности же вокруг Кирилла простирался ландшафт иного рода. Мама называла это «свинарник». Кирилл называл это «творческая среда обитания». На полу валялись серебристые пачки от бустеров. Кирилл охотился за редкими экземплярами уже полгода. Это была настоящая охота. выслеживаешь нужный набор, готовишь мелочь, затаиваешь дыхание у кассы... а потом покупаешь бустер, надеясь на удачу, даже если внутри чаще попадают обычные карты.

Но сегодняшний день начался не с охоты. Сегодня был день получки. Ну, как получки... Мама выдала ему карманные деньги на неделю — целых триста рублей. Кирилл сжимал в кулаке три хрустящие бумажки по сто рублей и представлял, как потратит их в ближайшем магазине.

— Только не потрать всё сразу, — сказала мама, натягивая пальто. — И убери в комнате. Будь человеком, а не пещерным троллем.

— Ага, — кивнул Кирилл, хотя мысли его уже были далеко. В магазине у дома.

Как только за мамой захлопнулась дверь, Кирилл пулей вылетел из квартиры. Лифт ехал медленно, поэтому он бежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. В голове играл победный марш, а в кармане приятно шуршали деньги.

Магазин встретил его прохладой и запахом свежей выпечки. Но Кирилла интересовали не булочки. Его целью был отдел с чипсами, газировкой и, конечно, полка с коллекцион-

ными карточками.

Он остановился перед стеллажом. Глаза разбежались. Чипсы с крабом, чипсы с сыром, чипсы с солью и уксусом. Рядом — целая батарея бутылок с газировкой: оранжевая, зелёная, фиолетовая, с пузырьками и без. А чуть дальше — заветная полка с бустерами коллекционных карточек, внутри которых могли скрываться редкие герои.

Кирилл взял самую большую пачку чипсов. Потом подумал и взял ещё одну — на всякий случай. К ним прибавилась бутылка ярко-зелёной газировки, которая обещала «взрыв вкуса», пять бустеров с карточками — и даже сдача осталась.

— Пакет нужен? — спросила кассирша, лениво жуя что-то.

— Нет, я так, — сказал Кирилл, прижимая к груди свои сокровища.

Дома он разложил добычу на кровати, включил на ноутбуке любимое аниме и начал «распаковку». Чипсы хрустели так, что соседи снизу, наверное, думали, будто кто-то ломает мебель. Газировка щипала язык и пускала пузыри в нос. Карточки шуршали, выскальзывая из серебристых пакетов. Кирилл раскладывал их по стопкам, с надеждой разглядывая каждую.

Попался какой-то унылый самурай. Три раза подряд.

— Да что ж такое! — возмутился Кирилл и запустил упаковками в угол.

Он опустил руку в пачку чипсов и вдруг замер. Рука на-

щупала только пустоту. Он заглянул в неё — крошки. Заглянул в бутылку — на дне жалобно булькал последний глоток. Карточки кончились. А ведь было триста рублей! Не считая сдачи с магазина. Триста! Целое состояние! И это было на целую неделю!

Кирилл уставился на гору мусора вокруг: пустые пачки, бутылка с остатками зелёной жидкости.

— Как так-то? — прошептал он. — Я же только начал...

Он представил, как эти триста рублей превратились в хруст, шипение и пустые обёртки. И теперь они лежат на полу в виде мусора. А завтра уже ничего не будет. Ни чипсов, ни газировки, ни денег. Только пустота в кармане и грустный самурай на карточке.

В углу стояла его «Сокровищница» — коробка из-под миной обуви. Внутри лежал журнал «Аниме Гид», игрушечный самурайский меч, две фигурки из киндер-сюрприза и самая ценная вещь — монетка в пять японских йен с отверстием посередине. Её привёз дядя Миша два года назад и сказал голосом бывалого путешественника: «На счастье. Потратишь — не вернётся».

Кирилл взял монетку, покрутил в пальцах. Отверстие было идеально круглым, как иллюминатор космического корабля. Он посмотрел сквозь него на гору мусора. Мусор выглядел ещё более позорно.

И тут зазвонил телефон. Мамин мобильник, забытый на кухне, запел весёлую мелодию. Кирилл поплёлся на кухню,

чувствуя себя так, будто он только что проиграл битву с самим собой. На экране высветилось: «Миша».

— Алло, дядь Миш, — сказал он уныло.

— О, племяш! — голос дяди звучал так, будто он только что вернулся с пробежки по Эвересту. — Что такой грустный? Завтра в школу, а уроки не сделаны?

Кирилл вздохнул.

— Не только это. Мама давала утром деньги на неделю, а их уже нет, и те с дня рождения тоже. Как сквозь пальцы.

— А на что потратил? — поинтересовался дядя.

— На чипсы, газировку, бустеры... — перечислил Кирилл, и ему стало ещё тоскливее.

Дядя Миша хмыкнул в трубку.

— Знакомая история. Я в твоём возрасте тоже мог за час спустить всё, что копил неделями. А потом сидел и думал: «И где мои деньги?» А они, племяш, превратились в то, что уже через час стало не нужно. Это как воду в решете носить.

Кирилл молчал, переваривая услышанное.

— Ладно, — сказал дядя. — Я вообще-то по делу звоню. Передай маме, что в пятницу приеду на несколько недель. И ещё, — голос дяди стал заговорщицким, — я улетаю в августе. В следующем году. В Японию. Знаменитый фестиваль фонарей Нэбута мацури, деловые встречи. Красота!

Сердце Кирилла сначала ёкнуло, потом сделало сальто, а потом замерло где-то в районе горла. Япония. Та самая, из журналов, из снов и из монетки с отверстием.

— Дядь Миш... — начал он, и его голос сам собой перешёл в режим «очень-очень-очень надо», а глаза стали жалобными, как у кота в «Шреке». — А возьми меня с собой!

В трубке повисла пауза. Кирилл слышал, как дядя Миша хмыкнул. Это было опасное хмыканье. Оно означало, что сейчас начнётся воспитательный момент.

— Интересная мысль. А билет тебе кто купит? Я? Или мама? Или, может, японский император лично пришлёт приглашение?

— Ну... ты? — неуверенно предположил Кирилл. — Или мама...

— Понятно. То есть я работаю, коплю, договариваюсь с партнёрами, а ты просто садишься в самолёт и машешь ручкой? И где тут твоя часть, племяш? Где твой вклад в экспедицию?

Кирилл молчал. Он вспомнил гору мусора в своей комнате. Триста рублей, которые превратились в ничто. Если бы он не купил те чипсы и карточки, у него было бы на триста рублей больше. А если бы он не тратил так каждую неделю и каждый день рождения... Ох, даже думать об этом было больно.

— Я... я попробую сам купить, — выпалил он наконец. Слова вылетели раньше, чем мозг успел их остановить. Как чих.

— Попробуешь? — переспросил дядя. Его голос стал серьёзным. — Знаешь, племяш, в чём разница «попробую» и

«сделаю»? «Попробую» — это когда ты заранее оставляешь себе отступление: «А вдруг не получится, я же старался». А «сделаю» — это когда ты говоришь себе: «Всё, я решил. Буду идти до конца, даже если будет трудно». Без путей назад.

Дядя помолчал, словно вспоминая что-то своё.

— Я в детстве тоже всё время «пробовал». Пробовал коптить — тратил. Любые деньги, что попадали в руки, исчезали быстрее, чем мороженое в жару. Потом жалел, но поздно. А потом прочитал кучу книг и понял: дело не в способностях, а в слове, которое ты себе говоришь, в установке, которую ты себе даёшь.

— Я понял, — сказал он твёрдо. — Я сделаю.

— Вот это другой разговор. Тогда первое задание, племянш: узнай, сколько стоит билет. Потом посчитай, сколько времени у тебя есть. И положи перед собой цифру. В пятницу приеду — обсудим твой план. Идёт?

— Идёт!

Кирилл положил трубку и остался стоять на кухне. «Сделаю», — повторил он более уверенно. Слово было колючим, как ёжик, но каким-то правильным.

Вечером мама вернулась уставшая, Кирилл выскочил в коридор, как чёртик из табакерки.

— Мам!

— Ой, напугал, ты чего не спишь? Утром в школу, между прочим.

— Дядя Миша звонил! Приедет в пятницу на несколько

недель!

— Хорошо, — мама снимала пальто, морщась.

— Мам, я ещё хотел спросить... — Кирилл замялся. — Дядя Миша в Японию едет. В августе следующего года. И я хочу с ним.

Мама замерла с чайником в руке. Обернулась.

— В Японию?

— Да. Я уже с ним говорил. Он сказал, что если я сам куплю билет, то полечу. А если нет — то нет.

Мама поставила чайник и села на табуретку. Она смотрела на Кирилла так, будто он только что заявил, что собирается построить ракету до Луны из подручных материалов.

— Ты понимаешь, сколько стоит билет в Японию? Это не карточки и не журнал. Это... это гора. Гора по названию Фудзи.

— Мне надо узнать, сколько это стоит. Поэтому я и прошу тебя помочь.

Мама вздохнула, открыла ноутбук. Кирилл пристроился рядом и смотрел, как она набирает в поиске: «авиабилеты Москва Токио цена». Экран запестрел цифрами. Мама ли-стала, хмурилась, что-то прикидывала в уме.

— Пятьдесят тысяч. Примерно пятьдесят тысяч рублей туда-обратно. Это очень много, сынок.

Кирилл уставился на цифру. Пятьдесят тысяч. Такие деньги он и представить не мог, чтобы понять, насколько это много. Поэтому он начал представлять, сколько это пример-

но в газировке и карточках. И чем ближе подходили подсчёты к сумме, тем больше округлялись его глаза. В голове зашумело.

— Понял, — сказал он тихо. — Спасибо.

Он встал и пошёл в свою комнату. Мама смотрела ему вслед и ничего не говорила. Что тут скажешь? Только вздыхать.

В комнате Кирилл сел на кровать. Рядом валялась пустая пачка от чипсов. Он взял её, смял и бросил в угол.

— Больше никогда, — сказал он вслух. — Никаких чипсов. Никакой газировки. Только Япония.

Он взял с полки монетку в пять йен — ту самую, с отверстием. Посмотрел сквозь него на листок, где только что написал: «50 000 рублей. Срок 18 месяцев».

— Сделаю, — прошептал он. — Не попробую. Сделаю.

Он лёг в кровать, держа монетку в руке. Лежал и рассматривал ее, мечтая о Японии. Ему снились муравьи, которые тащили монетки, и где-то вдалеке светилась огнями башня Токио.

Утром Кирилл проснулся, пошёл в ванную и глянул в зеркало. На левой щеке красовался идеально круглый отпечаток — счастливые пять йен. Кирилл потрогал щёку и усмехнулся.

— Первая печать на пути к Японии, — сказал он своему отражению.

И почему-то сразу стало веселее. Как будто гора Фудзи

стала чуть-чуть ближе.

Глава 2. Как я чуть не утонул в собственных носках

В пятницу вечером на кухне работала машина времени. Она была замаскирована под духовку и источала запах ватрушек. Серьёзно, эти ватрушки могли перенести кого угодно в детство. Дядя Миша сидел за столом и с видом завоевателя мира поедал уже вторую.

— Миш, — мама подливала чай, — а почему ты отказался купить Кириллу билет? Я знаю, у тебя есть такая возможность. Ты же финансово обеспеченный, путешествуешь.

Дядя Миша откусил ещё кусок и прожевал с философским видом.

— Кать, я всю жизнь учился на своих ошибках. Знаешь, как в компьютерной игре: бежишь по уровню, собираешь монетки, а потом — бах! — наступаешь на грабли. И только когда тебе стукнет тридцать, ты понимаешь, что грабли-то были подсвечены красным. Я просто в детстве был финансовым слепцом.

Кирилл в этот момент сражался с куском ватрушки, но слушал так внимательно, что даже жевать забыл.

— Мне было пятнадцать, — продолжил дядя, — и все вокруг ходили с крутыми телефонами того времени. А у меня был самый простенький телефон. И я выл на луну, точнее родителям: «Купите!». Родители вздыхали, но купили. В кредит. Под проценты, от которых волосы дыбом встают. Я об этом узнал только через пару лет, когда телефон уже

утонул в луже и я ходил опять со старым, мы его оставили на всякий случай и не продавали. А родители всё ещё платили за тот, утопленный. Представляешь? Я был счастлив обладать куском пластика, а они — долгом.

Кирилл представил себе это. Картинка получилась некрасивая. Он даже взглянул на свои руки — не держат ли они случайно кусок чужого долга?

— Поэтому, племяш, — дядя Миша наставил на него ложечку, — билет я тебе не куплю. Не потому, что вредный. А потому что хочу, чтобы ты почувствовал вес этих денег. Как капитан чувствует вес груза и ответственности. Всё хорошо закладывается в детстве, когда есть возможность и время. Я хочу, чтобы ты сейчас научился тому, что в жизни тебе ой как пригодится.

Кирилл сглотнул. Вес пятидесяти тысяч рублей он уже начинал ощущать.

— Ладно, — дядя Миша вытер руки. Взял свой рюкзак. — Пойдём, покажешь своё логово. Катюш, мы ненадолго.

По дороге в комнату дядя чуть не споткнулся о рюкзак Кирилла. Он валялся в коридоре третий день и уже начал обрастать легендами.

— Это твой сторожевой пёс? — поинтересовался дядя, перешагивая через препятствие.

— Это моя навигационная система, — буркнул Кирилл, краснея ушами.

В комнате дядя Миша остановился как вкопанный. Он

смотрел не на упаковки от карточек (которые всё ещё образовывали причудливый ландшафт, хотя Кирилл и пытался их сгрести в угол), а на стену над кроватью. Там висел лист А4. На нём корявым, но очень старательным почерком было написано:

Цель: Билет в Японию. 50 000 руб.

Срок: 18 месяцев.

Кирилл замер. Он не убрал весь мусор от карточек. Теперь казалось, что он стоит перед учителем с дневником, где красуется «двойка» по поведению.

Дядя Миша молчал целую вечность (секунд пять).

— Солидно, — наконец сказал он. — Только курс надо проложить. Карта у тебя есть, но нет навигационных приборов. Садись, капитан. Во-первых, прежде чем начинать свой путь, каждый капитан держит своё судно в чистоте. Намёк понял?

— Да, — ответил Кирилл, опустив глаза в пол.

Он вытащил из своего рюкзака блокнот. Синий, в клеточку, пахнувший типографией. Положил перед Кириллом.

— Это твой капитанский журнал. Сюда ты будешь записывать координаты своих сокровищ. Открой первую страницу и напиши: «Инвентаризация трюма».

— Чего? Инвентизация? Инвизация?

— Ин-вен-та-ри-за-ци-я, — отчеканил дядя Миша. — Это когда считаешь то, что у тебя есть, ведёшь учёт.

Кирилл засопел, но вывел слово. Получилось кривовато,

зато жирно.

— Теперь вытряхивай всё, что есть. Будем считать твою команду. Только без паники. Даже у пиратов поначалу был пустой сундук.

Кирилл схватил с полки керамического кота. Кот улыбался так, будто знал, что внутри у него — копейки. Кирилл перевернул его и потряс. На стол с жалобным звоном посыпалась мелочь. И.. шмяк! Что-то чёрное и засохшее шлёпнулось прямо на блокнот.

— Это что, запас провизии? — удивился дядя, прищурившись.

— Муха, — прошептал Кирилл.

Дядя хлопнул его по плечу. — Пиши: «Дохлая муха — 1 шт. Ценности для экспедиции не представляет».

Кирилл хихикнул, смахнул муху и принялся считать мелочь. Пальцы стали серыми от монетной пыли, но цифра получилась приятная — сто семь рублей.

— А в трюме штанов? — дядя кивнул на его карман.

Кирилл вспомнил про смятый полтинник. Из трёхсот рублей, которые дала мама, у него осталась только эта пятидесятка. Он хотел спустить её на бустер с карточками. Всю неделю мечтал о редком экземпляре. Но сейчас, глядя на пустую страницу «Капитанского журнала», он почему-то засомневался.

«Карточки кончатся через пять минут, — подумал он. — А дракон... дракон в Токио, наверное, покруче будет».

Он вытащил купюру и шлёпнул её на стол.

— Плюс пятьдесят, — сказал он и записал. — Итого сто пятьдесят семь.

— Уже не ноль! — подбодрил дядя. — Теперь смотри по сторонам. Что тут у тебя можно продать, чтобы нанять пару матросов?

Взгляд Кирилла упал на балкон. Там, прислонённый к стене, стоял его детский велосипед для ребёнка 8–9 лет. Теперь, когда Кирилл быстро вытянулся, велик стал ему мал, как прошлогодняя шапка.

— Велик, — сказал Кирилл. — Он ещё живой.

— Отлично. А что в коробке? — дядя кивнул на обувную коробку, из которой торчали блестящие уголки.

— Коллекционные аниме-карточки, — Кирилл понизил голос, как будто речь шла о государственной тайне. — Вовка из параллельного мне за редкие по триста рублей предлагал. Дядя Миша присвистнул, совсем как разбойник в кино.

— Племяш! Да ты сидишь на золотой жиле! Записывай: «Коллекция магических карточек. Оценка: непредсказуема, но потенциально огромна».

Кирилл записал. Рука чуть дрожала.

Он посмотрел на страницу. Сто пятьдесят семь рублей, современный велик и пачка карточек. До пятидесяти тысяч было как до Луны пешком. Но впервые Кириллу показалось, что где-то вдалеке зажгли маяк.

— Ну как, капитан? — спросил дядя. — Готов выходить

в море?

Кирилл закрыл блокнот и погладил синюю обложку.

— Я не знаю, дядь Миш, — честно сказал он. — У меня пока даже лодки нет. Так, надувной круг.

— Ничего, — дядя подмигнул. — Даже «Титаник» начался с чертежа на салфетке. Главное — не налететь на айсберг. А айсберги в твоём море — это импульсивные покупки. Но об этом завтра. А сейчас — спать.

Кирилл лёг в кровать и уставился в потолок. Там, в паути-не трещин, он снова увидел карту. Но теперь на ней появил-ся маленький крестик. «Здесь сокровища», — подумал он, сжимая в кулаке монетку в пять йен.

И почему-то впервые за долгое время уснул без мыслей о новых карточках.

Глава 3. Трещина, покрытая золотом, или почему нельзя бежать за фигуркой сломя голову

Утро субботы началось с велика. Дядя Миша вышел на балкон, долго звенел там чем-то, крутил педали и нажимал на тормоза. Кирилл стоял в дверях и смотрел, как его современ-ный детский велосипед проходит техосмотр. Велик вы-глядел как отличный аппарат, который просто вырос: скри-пел чуть-чуть, но старался.

— Ну что, капитан, — дядя вытер руки о штаны. — Па-циент скорее жив, чем мёртв. Думаю, тысячу рублей за него можно просить смело.

— Тысячу?! — Кирилл чуть не подавился воздухом. Он-

то думал, что за этот велик дадут рублей триста, не больше. — Да я за тысячу два таких велика куплю!

— Когда купишь, тогда и поговорим. А пока — фоткаем и выкладываем.

Дядя Миша достал телефон и устроил велику настоящую фотосессию. Велик анфас, велик в профиль, крупно — блестящие спицы. Кирилл чувствовал себя агентом по продаже звезды на пенсии.

Объявление написали вместе. Кирилл печатал, а дядя диктовал с важным видом:

«Продаётся современный детский велосипед. Состояние — бодрое. Всё работает. Вырос хозяин. Цена: 1000 рублей».

— Почему мы написали «вырос хозяин»? — спросил Кирилл.

— Потому что это правда. И покупатель понимает: велик продают не потому, что сломан, а потому что стал мал. Это внушает доверие. Маркетинг, племяш.

Кирилл кивнул с умным видом, хотя слово «маркетинг» звучало для него как название какого-то редкого динозавра.

Звонок раздался через два часа. Звонила женщина с приятным голосом, похожим на мамин, когда та не ругается. Сказала, что ищет велик сыну, у него как раз день рождения.

Через час они уже стояли во дворе. Мальчишка — мелкий, с вихрами и сбитыми коленками — сел на велик, проехал круг и расплылся в улыбке, будто ему подарили не старый велик, а космический корабль.

— Мам, берём! Он как настоящий!

Женщина протянула Кириллу купюру. Тысяча рублей. Одной бумажкой. Кирилл взял её двумя руками, как хрупкую реликвию. Велик уехал в багажнике чужой машины, а Кирилл остался стоять с деньгами в кулаке.

— Ну как ощущения, капитан? — спросил дядя Миша, когда они поднимались по лестнице.

— Странно, — честно сказал Кирилл. — Велика нет. А деньги есть. И я их сам заработал. Не выпросил, не нашёл, а заработал.

— Первый груз в трюме. Поздравляю. Теперь ты настоящий торговец.

Кирилл улыбнулся. Ему нравилось быть торговцем. И капитаном. И вообще кем угодно, у кого в кармане лежит тысяча рублей.

Дома он аккуратно разгладил купюру и положил в «Капитанский журнал». Рядом лежали те самые сто семь рублей из копилки и пятьдесят рублей из кармана. Итого — одна тысяча сто пятьдесят семь рублей. До пятидесяти тысяч было ещё далеко, но теперь это была не абстрактная гора, а что-то живое, что росло.

— Сгоняй за хлебом, — крикнула мама из кухни. — И молока возьми.

Кирилл сунул в карман пятьдесят рублей (тратить тысячу он даже не подумал) и вышел.

Магазин был в соседнем доме. Кирилл взял хлеб, молоко

и уже шёл к кассе, когда что-то заставило его остановиться. Ноги приросли к полу. Сердце пропустило удар.

На витрине, за стеклом, стояла ОНА.

Фигурка, которую Кирилл ждал полгода. Редкая. Из лимитированной серии по его любимому аниме. Он видел её только на картинках в интернете и уже смирился, что никогда не найдёт в их городе. А она стояла здесь. На витрине обычного магазина у дома. В красном плаще, с мечом в руке, и смотрела прямо на Кирилла, будто говорила: «Ну что, герой, возьмёшь меня?»

Цена — девятьсот рублей.

У него в кармане лежало пятьдесят. Но дома, в «Капитанском журнале», лежала тысяча. Тысяча сто пятьдесят семь, если точно.

Кирилл прилип к стеклу. В голове пронеслись обрывки мыслей: «Это же она... та самая... Я столько мечтал... Если не сейчас, её завтра купит кто-то другой... Девятьсот — это почти вся тысяча за велик... Но Япония... Но она ТАКАЯ КРУТАЯ!»

Он резко развернулся и, забыв про хлеб и молоко на кассе, выбежал из магазина. Продавщица только крикнула вслед: «Эй, пацан, а покупки?», но он уже нёсся через двор к своему подъезду. В ушах стучало: «Успеть! Успеть! Пока никто не купил!»

Дома он вихрем влетел в свою комнату, схватил «Капитанский журнал», раскрыл его и уже вытащил заветную ты-

саячу рублей. Пальцы дрожали. Он уже представлял, как поставит фигурку на полку, как будет разглядывать каждую деталь...

— Капитан, ты чего запыхался, как будто за тобой пираты гнались? — раздался спокойный голос дяди Миши. Он стоял в дверях комнаты с кружкой чая и смотрел на Кирилла с лёгким прищуром.

Кирилл замер с деньгами в руке. Врать было глупо.

— Там... фигурка, — выпалил он. — Редкая. В магазине. Девятьсот рублей. Я полгода о такой мечтал. Если не куплю сейчас — уйдёт!

Дядя Миша отхлебнул чай и спокойно спросил:

— А билет до Токио? Он подождёт?

Кирилл открыл рот и закрыл. Он смотрел на деньги в своей руке, на дядю, потом снова на деньги. Внутри всё кипело. «Но она же ТАМ! СЕЙЧАС! А Япония — это когда ещё будет...»

— Дядь Миш, я... я не знаю! — почти простонал он. — Я так хочу эту фигурку! Я год о ней мечтал!

— Понимаю, — дядя кивнул. — Я в твоём возрасте тоже гонялся за редкими штуками. Но давай сделаем так. Ты сейчас не бежишь сломя голову обратно. Ты кладёшь деньги на место и даёшь себе ровно сутки. Двадцать четыре часа. Если завтра в это же время ты проснёшься и поймёшь, что фигурка тебе всё ещё нужна так же сильно, как сейчас, — ты пойдёшь и купишь её. Я даже слова не скажу. Но если

желание хоть немного остынет — значит, оно того не стоило. Договорились?

Кирилл стоял, сжимая купюру. Внутри боролись два голоса. Один кричал: «Беги! Купи! Это же мечта!» Другой, тихий и похожий на дядин, шептал: «Подожди. Сутки — это не вечность».

Он глубоко вздохнул и положил тысячу обратно в журнал. — Хорошо, — сказал он тихо. — Я подожду.

Дядя Миша улыбнулся и потрепал его по плечу.

— Вот это по-капитански. А теперь сходи в магазин и верни хлеб с молоком, пока мама не заметила.

Кирилл хлопнул себя по лбу и побежал обратно.

Ночью ему снился Токио. Огромный, светящийся, шумный. И где-то там, в одной из лавок, стояла та самая фигурка. Но Кирилл во сне просто прошёл мимо неё. Потому что впереди было что-то большее.

Утром Кирилл проснулся и первым делом подумал о фигурке. Желание никуда не делось. Она всё ещё стояла перед глазами — блестящая, в красном плаще. Но вместе с желанием пришло и что-то ещё. Спокойствие. Как будто он уже принял решение, даже если ещё не осознал этого.

Он пошёл на кухню. Там уже всю кипела жизнь: мама жарила блинчики, и по квартире плыл сладкий запах, а дядя Миша сидел за столом с неизменной кружкой чая и читал что-то в телефоне.

— О, капитан проснулся! — дядя оторвался от экрана. —

Ну что, надумал?

Кирилл сел за стол, взял блинчик и, глядя в тарелку, сказал:

— Я не куплю фигурку. Деньги оставлю на билет.

Мама, переворачивавшая блин на сковородке, обернулась.

— Какую фигурку? — спросила она с любопытством.

— Да так, — дядя Миша усмехнулся и подмигнул Кириллу. — Вчера наш капитан чуть не сошёл с курса. Увидел в магазине редкую фигурку за девятьсот рублей и уже бежал домой за деньгами. Я его перехватил на взлёте. Предложил подождать сутки. И вот — результат.

Мама выключила плиту, села рядом и внимательно посмотрела на Кирилла.

— И как ощущения? Жалеешь?

Кирилл задумался. Он ожидал, что будет грустить. Что весь день будет думать о фигурке и жалеть. Но сейчас, сидя на кухне, чувствуя запах блинчиков и видя улыбку мамы, он ощущал что-то совсем другое.

— Рад, — сказал он тихо. — Странно, но рад.

Мама погладила его по голове.

— Я горжусь тобой, сынок. Это взрослое решение. Не каждый взрослый может так.

— Вот и я о том же, — кивнул дядя Миша. — Садись, капитан, расскажу тебе кое-что интересное. Знаешь, что такое Кинцуги?

— Кинцуги? — Кирилл наморщил лоб. — Это когда кино снимают?

— Почти, — усмехнулся дядя. — Это когда разбитую чашку не выбрасывают, а склеивают заново. Но не простым клеем, а лаком, смешанным с золотым порошком. Трещины становятся золотыми. И чашка получается даже красивее, чем была.

Кирилл слушал. Ему нравилось, как звучало это слово: кин-цу-ги.

— Японцы считают, — продолжил дядя, — что трещины и поломки — это часть истории вещи. Их не надо прятать. Они делают вещь уникальной.

— А при чём тут я и фигурка? — спросил Кирилл.

— А при том, что ты вчера дал маленькую трещину. Чуть не сломал свой план. Но не сломал. И эта трещина — она теперь с тобой. Ты про неё помнишь. Она делает тебя крепче. Если когда-нибудь снова захочешь потратить деньги на ерунду — ты вспомнишь вчерашний день. И устоишь быстрее. Это и есть Кинцуги. Твоя золотая трещина.

Кирилл сидел и переваривал. Ему представилась чашка с золотыми прожилками. И он сам — как такая чашка. Не идеальная, но красивая по-своему.

— И ещё, — добавил дядя. — То, что ты сделал, — называется «правило двадцати четырёх часов». Никогда не покупай то, что очень хочется, сразу. Дай себе сутки. Если через сутки всё ещё хочешь и понимаешь зачем — тогда покупай.

Но чаще всего наутро желание уже не такое сильное.

— У меня так и вышло, — сказал Кирилл. — Утром уже не так трясло.

— Вот именно. Мозг ночью всё раскладывает по полочкам. А утром ты просыпаешься и видишь, что настоящая цель — она одна. А всё остальное — просто шум.

Дядя взял с подоконника ручку и блокнот Кирилла. Открыл на чистой странице и написал крупными буквами:

КОПИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОТРАТИТЬ

— Где поставишь запятую?

Кирилл взял ручку. Посмотрел на фразу. Подумал секунду. И поставил запятую.

КОПИТЬ, НЕЛЬЗЯ ПОТРАТИТЬ.

Дядя Миша глянул и кивнул.

— Добро пожаловать в финансисты.

Вечером Кирилл лежал в кровати и смотрел на лист с целью. Потом перевёл взгляд на блокнот, где теперь была страница «Хочу, но подождёт». Фигурка всё ещё была там, в магазине. Но Кирилл больше не рвался её купить. Позже он записал в «Капитанском журнале»:

«Урок: если хочется потратить деньги на что-то незапланированное — подожди 24 часа. Утром голова думает лучше, чем вечером».

«Урок: Дядя рассказал про кинцуги. Это когда разбитую чашку склеивают золотом, и она становится красивее. Моя трещина — что я чуть не сорвался. Теперь она золотая. Я

стал крепче».

Он думал о золотых трещинах. О том, что корабль не тонет, если вовремя заделать пробоину. И о том, что капитан — это не тот, кто никогда не ошибается. А тот, кто умеет вовремя сказать себе «нет». И дать себе двадцать четыре часа на размышление.

С этой мыслью он уснул.

Глава 4. Сокровища из коробки, или как я продал дракона

Утро началось с коробки. Не с той, где лежали носки, а с той, что стояла в углу и хранила в себе целую вселенную. Кирилл сидел на полу, скрестив ноги, как настоящий самурай перед важной битвой. Перед ним возвышалась обувная коробка с коллекционными аниме-карточками. Маленькие картонные прямоугольники с героями рассыпались по ковру цветастым веером. Пятьдесят штук. Он знал каждую в лицо и мог бы рассказать историю добычи каждой, как старый дед рассказывает про свои медали.

Вот эта, с парнем в красном плаще, досталась ему после трёх бустеров подряд. Вот эта, редкая, с девушкой-ниндзя, Кирилл выменял у Кольки на три обычных карты и шоколадку. А вот эта, с драконом, он получил от ученика из параллельного класса за помощь с математикой — целый час решал за него уравнения, пока тот играл в телефоне.

Десять из пятидесяти были по-настоящему редкими. За ними охотились коллекционеры, как за золотыми билетами.

И Вовка из параллельного класса был одним из таких охотников. Его глаза загорались при виде редкой карточки, как у кота при виде лазерной указки.

Кирилл перебирал карточки и вспоминал, как полгода назад Вовка стоял над душой и канючил: «Продай, ну продай! Триста рублей за штуку дам!» А Кирилл тогда только фыркал, как рассерженный ёжик: «Это моя коллекция, не продаётся. Это часть моей души!»

Сейчас он смотрел на карточки иначе. Как на груз в трюме, который можно обменять на золотые монеты для главного путешествия. Душа душой, а билет в Токио сам себя не купит.

В дверь постучали. Вошёл дядя Миша.

— Что за развал, капитан? Инвентаризация номер два? Или ты решил открыть музей?

— Думаю, — сказал Кирилл, не поднимая головы.

Дядя присел на край кровати.

— О чём? О судьбах мира или о том, почему в аниме у героев такие огромные глаза?

— О Вовке. Он давно хотел купить мои редкие карточки. Предлагал по триста рублей.

— Десять редких по триста — это три тысячи. Серьёзный груз для трюма. Это не одна тысяча за велик, а целых три.

— Три тысячи, — медленно повторил Кирилл. Сумма казалась огромной. Как гора из монет, на вершине которой сидит дракон и охраняет сокровища.

— Но? — спросил дядя. Он явно слышал это «но» в голосе Кирилла. У дяди Миши был особый слух на «но».

— Но это моя коллекция. Я её полгода собирал. Каждую редкую карточку добывал с боем. Они мне как друзья.

Дядя Миша посмотрел на Кирилла серьёзно.

— Я тебя понимаю, племяш, сложно расстаться с тем, что ценишь. Вот смотри, есть такое понятие — цена, а есть ценность. Цена — это сколько денег за вещь просят. Триста рублей за картонку с картинкой. А ценность — это насколько вещь важна лично тебе. Твои карточки для тебя имеют огромную ценность. Ты в них вложил время, азарт, радость от находки. А для Вовки они имеют цену. Он готов за них платить, потому что для него они ценны по-своему.

Кирилл слушал и вертел в руках карточку с драконом. Дракон смотрел на него золотым глазом, будто спрашивал: «Ну что, продашь меня?»

— И как понять, что важнее? — спросил Кирилл.

— Представь две коробки, — дядя развёл руки в стороны, как фокусник перед трюком. — В левой — все твои редкие карточки. В правой — билет в Токио. Какую коробку ты выберешь через полтора года? Что будет для тебя ценнее?

Кирилл замолчал. Он смотрел на дракона, и дракон смотрел на него. А потом он представил ночной Токио с фотографии дяди Миши. Красные ворота. Магазин манги. Запах рамена.

— Билет, — сказал он тихо. — Билет ценнее. Дракон не

обидится. Он поймёт.

Дядя кивнул.

— Значит, ты знаешь ответ. Осталось решить — сколько карточек ты готов обменять на эту ценность. Все десять редких? Или часть?

— Часть, — сказал Кирилл. — Пять продам. Пять оставлю. Как память. Чтобы помнить, с чего начинал.

— Отличное решение, племяш. И память сохранишь, и трюм пополнишь. Мудро, как у старого морского волка.

На следующий день Вовка явился ровно в полдень. Глаза у него горели, как у охотника, почуявшего добычу. Он сразу кинулся к коробке с карточками и начал перебирать их быстрыми, цепкими пальцами, как белка, которая ищет спрятанный орех.

— Вот этот! И этот! О, этот у тебя есть! И этот! А этот я вообще никогда не видел! Где ты его достал?! Ты что, ограбил японский магазин?

Кирилл сидел рядом и смотрел, как его сокровища переходили из рук в руки. Было немножко грустно. Как будто он продаёт своих маленьких друзей в хорошие руки. Но он держался. Капитан не плачет. Капитан считает прибыль.

Вовка отобрал пять штук. Самые редкие. Те, что с драконом, с девушкой-ниндзя, с парнем в красном плаще, с воином в маске и с белым тигром.

— Сколько? — спросил Вовка и хитро прищурился, как лиса на рынке.

Кирилл вспомнил слова дяди Миши про цену и ценность.

— Четыреста за штуку, — сказал он и сам удивился своей смелости.

Вовка округлил глаза так, что они стали похожи на два блюдца.

— Четыреста?! Ты чё! Раньше я по триста предлагал!

— Раньше я не продавал. А теперь продаю. И потом, это же редкие экземпляры. Где ты ещё такие найдёшь? Только у меня.

Вовка нахмурился. Он явно не ожидал, что Кирилл будет торговаться. Обычно Кирилл был как открытая книга, а тут вдруг превратился в хитрого купца с восточного базара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.